

ЧАСТЬ IV

1142—1145

Глава 11

I

Торжество Уильяма было омрачено пророчеством Филипа: вместо радости и ликования его охватил ужас оттого, что за содеянное он мог оказаться в аду.

Тогда, в пылу сражения, он, усмехнувшись, с вызовом бросил Филипу: «Вот он, ад, монах!» Теперь, когда все было кончено и он увел своих людей из пылающего города, когда сердца их перестали учащенно биться, а лошади перешли на шаг, когда он смог наконец оглянуться назад и увидел, сколько людей было ранено, убито и сожжено заживо во время набега, — только теперь в его памяти всплыло пылавшее гневом лицо Филипа, который, перстом указывая на груды изуродованной человеческой плоти, произнес свое роковое: «Ждут тебя муки адовы за содеянное».

С наступлением темноты чувство угнетения и подавленности целиком овладело им. Его воины начали было наперебой, смакуя детали, обсуждать все перипетии кровавой бойни, но вскоре настроение Уильяма передалось и им, и вокруг воцарилась гнетущая тишина. Эту ночь они провели в поместье одного из людей Уильяма. За ужином все до бесчувствия напились. Хозяин, зная, что мужчины испытывают обычно после боя, привел из Ширинга нескольких потаскух, но заработать тем так и не удалось: воякам было не до женских прелестей.

Уильям всю ночь не сомкнул глаз, с ужасом

думая, что может умереть во сне и попасть прямо-ком в ад.

Наутро, вместо того чтобы вернуться в Эрлскастл, он со своими людьми направился к епископу Уолерану. В резиденции они епископа не застали, но Дин Болдуин сказал, что тот должен быть после полудня. Уильям ждал в часовне, не сводя глаз с креста над алтарем и дрожа всем телом, не смотря на летнюю жару.

Когда Уолеран наконец появился, Уильям готов был целовать ему ноги.

Епископ, в своих черных одеждах, величаво вошел в часовню и холодно спросил:

— Что привело тебя сюда?

Уильям поднялся с колен, стараясь скрыть свой малодушный страх за внешним спокойствием.

— Я только что сжег Кингсбридж...

— Знаю, — перебил Уолеран. — Весь день только об этом и слышу. Какая муха тебя укусила? Ты что, сошел с ума?

Такой реакции Уильям не ожидал. Он не стал заранее обсуждать с Уолераном план набега, поскольку был абсолютно уверен, что тот одобрит его: Уолерану было ненавистно все связанное с Кингсбриджем и особенно приор Филип. Уильям полагал, что епископ, если и не будет ликовать по этому поводу, по крайней мере останется доволен.

— Я только что уничтожил твоего главного врага, — сказал Уильям, — и теперь хотел бы исповедаться.

— Не удивлен, — ответил Уолеран. — Говорят, больше ста человек сгорели заживо. — Его передернуло. — Страшная смерть.

— Я готов исповедаться, — повторил Уильям.

Уолеран покачал головой:

— Не знаю, смогу ли я отпустить тебе грехи.

4 Крик ужаса вырвался из уст Уильяма:

— Но почему?!

— Ты ведь знаешь, мы с епископом Генри Винчестерским вновь приняли сторону короля Стефана. Вряд ли король одобрит отпущение грехов стороннику принцессы Мод.

— Проклятие, Уолеран, ведь это же ты уговорил меня перейти на службу к ней!

Уолеран пожал плечами:

— Ну и что? Остановить ее никогда не поздно.

Уильям понял, что этого епископ и добивался. Он хотел, чтобы Уильям стал верой и правдой служить Стефану. А его возмущение по поводу Кингсбриджа было наигранным: он просто решил поторговаться. Эта мысль принесла Уильяму огромное облегчение. Он понял, что отказ Уолерана отпустить ему грехи был не таким категоричным. Но вот хотел ли он, Уильям, вновь менять хозяина? Какое-то время он молчал, пытаясь спокойно это обдумать.

— Все лето Стефан одерживает победы, — продолжал Уолеран. — Мод умоляет мужа прийти ей на помощь из Нормандии, но ему это не по силам.

Положение Уильяма было хуже некуда: Церковь отказывала ему в прощении за преступления, шериф обвинял в убийстве, король-победитель Стефан поддерживал и Церковь, и шерифа... Что оставалось ему?..

— Последуй моему примеру и присягни на верность епископу Генри. Он знает, в какую сторону ветер дует, — настаивал Уолеран. — Если все пойдет, как задумано, Винчестер вскоре объявят его епархией, и Генри станет архиепископом Кентерберийским. А когда он умрет — кто знает? — я мог бы стать его преемником. И потом... есть ведь уже английские кардиналы — может появиться и английский папа.

Ощущение страха не покидало Уильяма, но теперь он неотрывно следил за Уолераном, словно пораженный тем неприкрытым честолюбием, которое читалось на его обычно каменном лице. Уолеран в роли папы? Впрочем, все возможно в этом мире. Однако куда важнее было то, какие последствия могли иметь устремления Уолерана сейчас, в самое ближайшее время. Уильям понимал, что он — всего лишь пешка в сложной игре, затеянной Уолераном, которому удалось завоевать большой авторитет у епископа Генри благодаря своей способности умело использовать Уильяма и рыцарей из Ширинга, ставя их под знамена то одной, то другой участвующей в гражданской войне стороны. Такова была цена, которую Уильям должен был заплатить за то, чтобы Церковь закрыла глаза на его преступления.

— Ты хочешь сказать... — Голос его дрогнул. Он прокашлялся и начал снова: — Ты хочешь сказать, что выслушаешь мою исповедь, если я присягну Стефану и вновь приму его сторону?

Глаза Уолерана сверкнули, и лицо вновь стало каменным.

— Именно так.

Выбора не было, но в любом случае Уильям не видел причин отказываться. В свое время он служил принцессе Мод, пока та одерживала верх, но теперь, когда чаша весов, похоже, качнулась в пользу Стефана, готов был вновь стать его союзником. Как бы то ни было, он пойдет на все, лишь бы освободиться от животного страха, преследующего его последние дни.

— В таком случае — согласен, — сказал он, отбросив все сомнения. — Только прими мою исповедь немедленно.

— Прекрасно, — ответил Уолеран. — Помогимся.

Обряд богослужения проходил торопливо, и, по мере того как он близился к завершению, Уильям явственно ощущал, как тяжкий груз вины падает с его плеч. Он вновь чувствовал себя победителем.

Увидев его выходящим из часовни в приподнятом настроении, его люди и сами приободрились. Уильям объяснил им, что по воле Всевышнего, выраженной епископом Уолераном, они будут теперь сражаться за короля Стефана, и его слова были восприняты как повод отпраздновать это событие.

Уолеран тем временем приказал подать вина. В ожидании ужина Уильям обратился к нему:

— Теперь Стефан вполне мог бы пожаловать мне графство.

— Думаю, ему следовало бы сделать это, — согласился Уолеран. — Хотя не берусь утверждать, что так и будет.

— Но ведь я его союзник!

— Ричард все еще в Кингсбридже.

Уильям позволил себе самодовольную улыбку.

— Полагаю, теперь он не опасен.

— Вот как? Что ты хочешь этим сказать?

— Ричард никогда не владел землей. Своих рыцарей он всегда содержал на деньги сестры.

— Конечно, это против традиций, но до сего дня так было.

— Зато теперь у его сестры нет денег. Вчера я сжег ее склады. Она разорена. И Ричард тоже.

Уолеран кивнул:

— В таком случае его уход со сцены — вопрос времени, и графство станет твоим.

Подали ужин. Воины Уильяма расположились в дальнем конце стола и весело заигрывали с прислужницами. Уильям восседал во главе вместе с Уолераном и его архидиаконами. Сейчас, когда напряжение спало, он, пожалуй, даже зави-

довал беспечному флирту своих людей с молоденькими служанками: в компании архидиаконов ему было скучновато.

Дин Болдуин протянул Уильяму блюдо с грушами и сказал:

— Лорд Уильям, если кто-то по примеру приора Филипа попытается открыть ярмарку, чтобы торговать шерстью, ты сможешь этому помешать?

Уильям был очень удивлен вопросом.

— Никто не осмелится!

— Какой-нибудь монах, может, и не осмелится, а граф — вполне.

— Для начала ему понадобится разрешение.

— У любого, кто воевал за Стефана, такое разрешение будет. Не сомневайся.

— Только не в этом графстве.

— Болдуин прав, Уильям, — сказал Уолеран. — По границам твоего графства есть немало городов, которые могли бы открыть у себя овчинные ярмарки: Уилтон, Девайзес, Уэллс, Мальборо, Уоллингфорд...

— Я сжег Кингсбридж, сожгу и любой другой город, — раздраженно бросил Уильям. Он сделал глоток вина. Попытки поставить под сомнение его победы вызывали у него приступы ярости.

Уолеран взял буханку свежего хлеба, разломил ее пополам, но есть не стал.

— Кингсбридж — слишком легкая добыча, — возразил он. — Нет ни городской стены, ни замка; нет даже большого храма, где люди могли бы найти убежище. А правил им монах, у которого не было ни рыцарей, ни просто вооруженных людей. Кингсбридж был незащищен. Другие города так просто не возьмешь.

Дин Болдуин добавил:

— А когда гражданская война закончится — не важно, кто победит, — ты уже не

сможешь сжечь город, подобно Кингсбриджу, безнаказанно. Это будет считаться преступлением против порядка. Ни один король не допустит такого в мирное время.

Уильям понял, куда они клонят, и это вывело его из себя.

— Тогда, похоже, все было напрасно, — сказал он и положил нож на стол. В желудке у него начались спазмы, есть он больше не мог.

— Конечно, если Алина разорится, кто-то займет ее место, — вновь вступил в разговор Уолеран.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Уильям.

— В этом году почти вся шерсть была продана ей. А что будет через год?

— Не знаю.

— Кроме приора Филипа, все производители шерсти в округе — арендаторы либо графа, либо епископа. Ты — граф во всем, кроме официально-го титула, а я — епископ. Если бы мы заставили наших людей продавать шерсть нам, то смогли бы взять в свои руки почти всю торговлю в графстве. А продавали бы ее на ярмарке в Ширинге. Так что, даже если кто-то еще получит разрешение, открывать свою ярмарку ему будет просто невыгодно.

Блестящая мысль! Уильям сразу понял, в чем дело.

— Мы получили бы столько же денег, сколько и Алина, — заметил он.

— Именно. — Уолеран откусил кусочек нежного мяса и стал медленно жевать, размышляя о чем-то своем. — Итак, ты сжег Кингсбридж — раз, уничтожил своего злейшего врага — два и открыл новый источник дохода — три. И все за один день. Неплохо.

Уильям влил в себя хорошую порцию вина и сразу почувствовал, как по телу раз-

ливается жар. Он посмотрел на дальний конец стола, и взгляд его выхватил пухлую черноволосую девушку, которая заигрывала с двумя его рыцарями. Сегодня ночью он, пожалуй, ею займется. Уильям уже отчетливо представлял, как это произойдет: он прижмет ее в углу, разложит на полу и задерет юбку, в его глазах на мгновение мелькнет лицо Алины с выражением ужаса и отчаяния от вида горящих складов с шерстью, и он яростно ринется на девку.

Разыгравшаяся в сознании бурная сцена заставила его улыбнуться, и он медленно отрезал тонкий кусочек оленины.

Пожар в Кингсбридже потряс приора Филипа до глубины души. Неожиданный налет Уильяма и его людей, их жестокость, леденящие кровь сцены кровавой бойни и крики обезумевших жителей, его собственная беспомощность — все ошеломило и повергло его в отчаяние.

Самой тяжелой утратой стала смерть Тома. Он погиб в расцвете сил и таланта, не завершив начатого им дела. Для Филипа он был самым близким другом за пределами монастыря. Дни напролет они проводили в беседах и жарких спорах, вместе пытались справиться с трудностями, которые постоянно возникали у обоих. В Томе редкостно сочетались мудрость и скромность, и работа с ним доставляла огромное удовольствие. Невозможно было примириться с тем, что он ушел навсегда.

Филип пребывал в растерянности. Он не обладал больше реальной властью. Сейчас ему нельзя было доверить даже коровник, не то что такой город, как Кингсбридж. Он привык считать, что, если человек добросовестно трудится и верит в Бога, его ждет в жизни только хорошее. Пожар

10 в Кингсбридже развеял эти иллюзии. Он по-

терял всякий интерес к жизни и теперь, забросив работу, целыми днями просиживал в своем доме в монастыре, наблюдая, как пламя пожирает свечи на небольшом алтаре, и в голову ему лезли неотвязные скорбные мысли.

И только молодой Джек знал, что надо делать. По его приказу мертвых снесли в склеп, раненых разместили в монастыре, для тех, кто жил в лугах, на другом берегу реки, организовали срочную помощь, чтобы они не погибли от голода. Погода стояла теплая, и все спали на воздухе. Потрясенных несчастьем горожан Джек собрал в команды по очистке территории монастыря от руин и человеческих останков, в то время как Белобрысый Катберт и Милиус занялись доставкой продовольствия с окрестных ферм. Через день после пожара у северных ворот монастыря выкопали сто девяносто три новые могилы, где похоронили погибших. Филип только успевал подписывать распоряжения, которые готовил Джек.

Джек считал, что большинство переживших пожар материально не особенно пострадали: в основном сгорели лачуги и кое-какая мебель. Хлеба колосились в полях, весь скот был на пастбищах, а скопленные людьми деньги лежали целыми-невредимыми там, где и были до поры зарыты, — под очагами. Больше других досталось торговцам: многие, чьи склады сгорели, были разорены, как Алина; те же, кто предусмотрительно держал часть своего состояния в серебряных монетах, могли заново начать дело.

Джек предложил немедленно приступить к восстановлению города. По его совету Филип подписал разрешение на бесплатную рубку леса в монастырских угодьях, правда, всего на неделю. В результате семь дней Кингсбридж пустовал: **11**

жители сами выбирали и валили деревья для своих будущих домов. Джек попросил Филипа набросать план нового города, и эта идея настолько того захватила, что он наконец забыл о своей печали.

Филип, не отрываясь, работал над планом четверо суток. Вдоль монастырских стен поднимутся большие дома состоятельных ремесленников и торговцев. Он вспомнил улицы Винчестера и решил сделать Кингсбридж таким же удобным: прямые улицы, достаточно широкие, чтобы могли проехать две повозки, будут спускаться к реке, а более узкие — пересекать их. Под каждый новый дом он отвел на плане участок земли шириной двадцать четыре фута и сто двадцать футов вглубь от улиц, чтобы каждый мог иметь просторный задний двор с уборной, огородом, конюшней, коровником или свинарником. Старый мост сторел, и необходимо было построить новый, в более удобном месте, в конце главной улицы, которая пойдет от моста в гору, мимо собора, прямо на другой конец города, как в Линкольне. Другая широкая улица будет начинаться у ворот монастыря и свяжет его с пристанью за поворотом реки по ее течению, так что все грузы можно будет перевозить в монастырь, минуя главную торговую улицу. Вокруг пристани вырастут новые небольшие домики, а бедняки поселятся ниже по течению, чтобы их бытовые привычки не сказывались на чистоте питьевой воды для монастыря.

И хотя работа над планом восстановления города действительно захватила Филипа, он, всякий раз на минуту отвлекаясь, ощущал приступы то ярости, то глубокой скорби по погибшим. Уильям Хамлей казался ему воплощением дьявола: вряд ли кто другой мог принести столько горя людям. На лицах горожан, возвращавшихся из леса с повозками,

12 груженными срубленными деревьями, Фи-

лип читал выражение неутешного страдания и робкой надежды.

А Джек с монахами уже переносили план Филипа с бумаги на реальную почву: разметив колышками и бечевкой участки земли, они предлагали жителям самим выбрать себе наделы. Правда, то здесь то там раздавались мрачные возгласы: «А на кой нам это? Ну как на будущий год опять кто-нибудь все спалит?» Возможно, будь у людей хоть какая-то вера в справедливость, надежда на то, что злодеи понесут наказание, они бы воспрянули духом, но Филипп, хотя и обратился с посланием к Стефану, Мод, епископу Генри, архиепископу Кентерберийскому и даже к папе римскому, прекрасно понимал, что во время войны привлечь к суду таких могущественных и влиятельных людей, как Уильям, дело безнадежное.

Филипп вынужден был по ходу вносить изменения в свой план-схему: самые крупные участки земли под застройку пользовались большим спросом, несмотря на высокую арендную плату, и ему пришлось увеличивать их число. Почти никто не хотел строиться в бедняцких кварталах, но Филипп решил ничего не менять в этой части плана и оставить ее в запасе. Через десять дней после пожара на большинстве участков стали подниматься новые деревянные дома, а еще через неделю их строительство в основном было завершено. Настала пора приниматься за возведение собора. Работа закипела. Строители теперь получали деньги и хотели их тратить — вновь открывались лавки; крестьяне повезли продукты в город; засуетились судомойки и прачки; и понемногу жизнь в Кингсбридже вошла в нормальное русло.

И все же так много людей погибло во время пожара, что Кингсбридж порой напо-

минал город-призрак. Каждая семья потеряла кто сына, кто мать, кто мужа, кто сестру. Никаких особых знаков траура люди не носили, но на их лицах явственно запечатлелась скорбь, как опавшая листва означает скорый приход зимы. На шестилетнего Джонатана нельзя было смотреть без сострадания. Он, как потерянный, слонялся по монастырскому двору, и Филип вдруг осознал, что смерть Тома, который, казалось, уделял мальчику больше внимания, чем своим детям, стала для него потрясением. Поэтому Филип взял себе за правило каждый день навещать Джонатана, рассказывать ему всякие истории, играть с ним в считалки и слушать его неумную болтовню.

Филип разослал письма к настоятелям всех крупнейших бенедиктинских монастырей Англии и Франции с просьбой порекомендовать опытному строителю вместо погибшего Тома. Любой приор на месте Филипа в первую очередь обратился бы за этим к епископу, поскольку тот много ездил по миру и наверняка знал о таких мастерах. Но на помощь епископа Уолерана надежды было мало, и рассчитывать Филип мог только на себя.

Пока он ожидал ответов на свои послания, рабочие стали все чаще поговаривать о том, чтобы строительство возглавил Альфред: ведь он был сыном Тома, хорошим каменщиком и к тому же какое-то время командовал на одном из участков стройки. В сравнении с Томом звезд с неба он, пожалуй, не хватал, но знал грамоту, все его слушались, и поэтому казалось вполне естественным, чтобы он занял место отца.

Трудностей на стройке было хоть отбавляй. Альфред без конца приставал к Филипу с вопросами.

К Джеку он не обращался: все знали, что

14 сводные братья ненавидят друг друга.

Но с каждым днем Альфред чувствовал себя все увереннее и однажды, придя к Филипу, сказал:

— Может, лучше увенчать собор большим центральным куполом?

По плану приора потолок над центром собора должен был быть деревянным, а в боковых приделах — сводчатым каменным.

— Я думал над этим. Но дерево намного дешевле, а нам надо экономить.

Альфред кивнул.

— Беда в том, что деревянный потолок может в любой момент сгореть, а каменный купол — на века.

Какое-то время Филип изучающе смотрел на Альфреда. Неужели он недооценил его? Вот уж не думал, что тот предложит изменить проект отца; скорее, подобной смелости можно было ждать от Джека. Но идея выглядела очень уж привлекательной, тем более после всего, что случилось с городом.

Альфред, судя по всему, думал о том же.

— Единственное здание, которое уцелело в огне, — новая приходская церковь.

Строил ее Альфред, и там — каменные своды, вспомнил Филип, но тут же спохватился:

— А стены выдержат такую нагрузку?

— Придется укрепить опоры, тогда выдержат.

Он действительно все предусмотрел.

— И во что нам это обойдется?

— Конечно, строительство встанет дороже, да и работы мы завершим не раньше, чем через три-четыре года. Но на казне монастыря это особенно не отразится.

Это решение нравилось Филипу все больше.

— Значит, нам придется ждать минимум год, прежде чем мы сможем пользоваться алтарем для службы?